

**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ПЕРИФЕРИИ
САКСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИТЯНЬШАНЯ В IV–III ВВ. ДО Н.Э.****Сергей Сергеевич Иванов**Киргизский национальный университет им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызстан
E-mail: sak@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам этнокультурных контактов населения сакской культуры Притяньшанья на северо-восточной периферии территории ее распространения. В первой половине IV в. до н.э. начинается экспансия пазырыкского политического объединения на юг – в Восточный Казахстан, северный Сибирь и Монгольский Алтай. Это приводит к военному столкновению с саками Притяньшанья, которые утрачивают влияние на племена среднего течения Иртыша и связи с родственной каменной культурой Лесостепного Алтая. Миграция пазырыкцев приводит к формированию гибридной кула-жургинской культуры Восточного Казахстана, носители которой продвигаются в северо-восточные районы политического объединения саков Притяньшанья, как, собственно, и сами племена пазырыкского культурного круга. Военное противостояние с ними, как и военные конфликты с эллинистическими государствами на юго-западе, ослабляют данное объединение. Итогом становится его разгром в результате миграции юэчжей около 165 г. до н.э., что приводит к выдавливанию значительной части сакских племен Притяньшанья в южные районы Средней Азии.

Ключевые слова: ранний железный век, сакский период, сакская культура Притяньшанья, миграции, этнические и культурные контакты

Цитирование. Иванов С.С., 2022. Этнокультурная ситуация на северо-восточной периферии сакской культуры Притяньшанья в IV–III вв. до н.э. // Уфимский археологический вестник. Т. 22, № 2. С. 250–257. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.006>

UDC 902/904 (575.2)
LBC 63.4стд1-6 (544)Submitted: 20.08.2022
Accepted: 20.10.2022**ETHNOCULTURAL SITUATION ON THE NORTH-EASTERN PERIPHERY
OF THE SAKA CULTURE OF TIAN SHAN REGION IN THE 4th - 3rd CENTURIES BC****Sergey S. Ivanov**Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan
E-mail: sak@yandex.ru

Abstract. From 6th through early 2nd century the Fore-Tian-Shan region was occupied by an authentic Saka Culture. It had close ethnical and cultural associations with the contemporary population of Eastern Kazakhstan. They left specific Bukon Culture-type monuments. Besides, the Tian-Shan Sakas made a significant contribution to Kamenskaya Culture in forest-steppe Altai (Ob & Irtysh Interfluve). They maintained regular connections. However, in the 4th century BC the Pazyryk political union from the mountain Altai became stronger and started sustainably expanding to the south – Eastern Kazakhstan, northern Xinjiang and the Mongolian Altai Mountains. This leads to broken connection between the Sakas of the Tian-Shan region and their kin from the forest-steppe Altai. It results in the lost control over Bukon Culture type tribes in Eastern Kazakhstan. It causes reduced influence in adjacent areas of Xinjiang. Pazyryk and Kara-Koba Culture people were migrating in the Eastern Kazakhstan at the turn of 4th–3rd centuries BC. This migration causes a hybrid Kula-Zhurga Culture. Bearers of this culture were a part of the Pazyryk political union. Obviously, these processes were accompanied by large military conflicts between the Fore-Tian-Shan Sakas and the Pazyrykets'. It resulted in the Sakas losing control over a number of territories in the North-East of their union – North-East Zhetysay. This territory is evident with family burials with Pazyryk (Songshugoukou) and Kula-Zhurga (Tausamaly) appearance. This directly proves the migration and relatively long stay of newly arrived northern populations. Long-standing rivals against the Pazyryks, regular and large conflicts with Hellenic states weaken the political union of the Tian-Shan Sakas. Therefore, in around 165 BC they were defeated by Yuezhi that had come from the East. The majority of the Sakas was pushed to the southern Central Asia. Their this nation took part in the so-called 'nomad invasion' of Greco-Bactria.

Keywords: Early Iron Age, Saka period, Saka culture of Tian Shan, migrations, ethnic and cultural contacts

Citation. Ivanov S.S., 2022. Ethnocultural situation on the North-Eastern periphery of the Saka culture of Tian Shan region in the 4th - 3rd centuries BC. *Ufimskij arkheologicheskij vestnik* [Ufa Archaeological Herald]. Vol. 22, no. 2, pp. 250–257. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.006>

В истории ранних кочевников Средней Азии остается еще немало «белых пятен», требующих изучения. Это связано с тем, что прошлое региона в эту эпоху получило очень неравномерное освещение в письменных источниках, и основное внимание в них было преимущественно сосредоточено на южную часть данного региона, зону распространения оседло-земледельческой культуры. А районы Средней Азии, занятые скотоводческими племенными группами получили в них лишь фрагментарное освещение и, в основном, в зоне их контактов с оседлой частью региона. По этой причине на основе косвенных данных приходится реконструировать важнейшие исторические события в становлении и развитии политических образований среднеазиатских номадов, по каким-либо причинам не отмеченным нарративными источниками прошлого. Изучению одной из подобных малоизвестных страниц истории посвящена настоящая статья, призванная обозначить проблему военно-политических контактов саков Притяньшанья с пазырыкцами Горного Алтая, поскольку данная проблема ранее не привлекала внимания исследователей.

В VI – первой половине II вв. до н.э. обширные горные и предгорные районы Западного, Внутреннего и отчасти Восточного Тянь-Шаня были заняты самобытной археологической культурой «скифского» типа, которую было предложено называть сакской культурой Притяньшанья [Иванов, 2019а]. Выделяясь в системе оседло-земледельческих и скотоводческих культур Средней Азии и Казахстана, она имела вполне четкие границы, которые хорошо определяются на юге и западе ее ареала соседством с инокультурными памятниками Средней Сырдарьи (включая Ташкентский оазис), Ферганы, Алая и юго-западного Синьцзяна. Некоторым исключением в этом отношении выступают северо-восточные рубежи данной сакской культуры, которые в настоящее время выделяются во многом условно (рис. 1).

Отчасти определяясь озером Балхаш, они достигали Алакольской впадины и южных предгорий Тарбагатайского хребта, поскольку в этих районах отмечены погребальные памятники, которые в культурном плане существенно не отличались от распространенных в долине реки Или [Кушаев, 1968]. Последние выделяются семиреченский локальный вариант сакской культуры Притяньшанья [Иванов, 2019б. С. 73, 74. Рис. 1]. Но на аморфность ее границ на северо-востоке ареала также оказывал воздействие тот фактор, что на протяжении практически всего I тыс. до н.э. Восточный Казахстан этнокультурно был теснейшим образом связан с Притяньшаньем. Поэтому в районе среднего течения Иртыша и оз. Зайсан был выделен особый буконьский тип памятников конца VI – IV вв. до н.э. [Черников, 1975. С. 132–134; Боковенко, Заднепровский, 1992. С. 141–143], который по

основным показателям погребально-поминальной обрядности достаточно близок к некрополям саков Притяньшанья.

Столь значительной конвергентности культур населения Притяньшанья и Восточного Казахстана в I тыс. до н.э. способствовало и то, что именно с территории последнего региона на рубеже VIII–VII вв. до н.э. происходит мощная миграционная волна на юг – в горные и предгорные районы Тянь-Шаня [Китов, Тур, Иванов, 2019. С. 155]. Это сыграло ключевую роль в формировании собственно сакской культуры Притяньшанья. По-видимому, не меньшее влияние оказала также обратная миграция через Восточный Казахстан во второй половине VI в. до н.э. на территорию Лесостепного Алтая (Обь-Иртышское междуречье), которая имела решающее значение в формировании там каменной культуры [Могильников, 1997. С. 103–104]. А в течение последующих V – начала IV вв. до н.э. именно район среднего течения Иртыша был своеобразным «перешейком», через который осуществлялись интенсивные культурные контакты между Притяньшаньем и населением Лесостепного Алтая, которое сопровождалось также, по-видимому, передвижением групп сакского происхождения в северо-восточном направлении. Ярким свидетельством последнего можно считать ряд захоронений на могильнике каменной культуры Локоть-4а, расположенном в южной части ее ареала [Шульга, 2003. С. 113, 114, 120].

Впрочем, к середине IV в. до н.э. эти связи начинают все чаще прерываться военной и миграционной активностью кочевого населения соседних регионов. В первую очередь, это было связано с активизацией носителей пазырыкской культуры, которые начинают продвижение из центральных районов Горного Алтая на юго-запад – в пределы современной казахской части Алтая, ярким отражением чего становится создание элитарного некрополя Берель [Самашев, 2011. С. 193–199; Самашев, 2017. С. 145–149; Шульга, Мыглан, Слюсаренко, 2016. С. 277, 280, 281, 283–285]. Одновременно пазырыкцы осуществляют масштабную экспансию на Монгольский Алтай [Törbat, Giscard, Batsükh, 2009. P. 221–229; Батсух, Эрдэнэ-Очир, 2017. С. 142, 143, 154] и в северную часть Синьцзяна, вплоть до района г. Хами [Шульга П.И., Шульга Д.П., 2017; Му, 2020]. Причем, в последнем, наряду с чисто пазырыкскими погребальными комплексами, вскоре также появляются синкретические курганные захоронения, в которых прослеживаются пазырыкские и местные черты [Шульга, 2010. С. 82–93].

По-видимому, военная активность пазырыкцев также приводит к перемещению крупной этнокультурной группы населения из района Саяно-Алтая в Центральный Казахстан, что маркируется памятниками коргантасского типа, появление которых здесь по радиоуглеродным датам

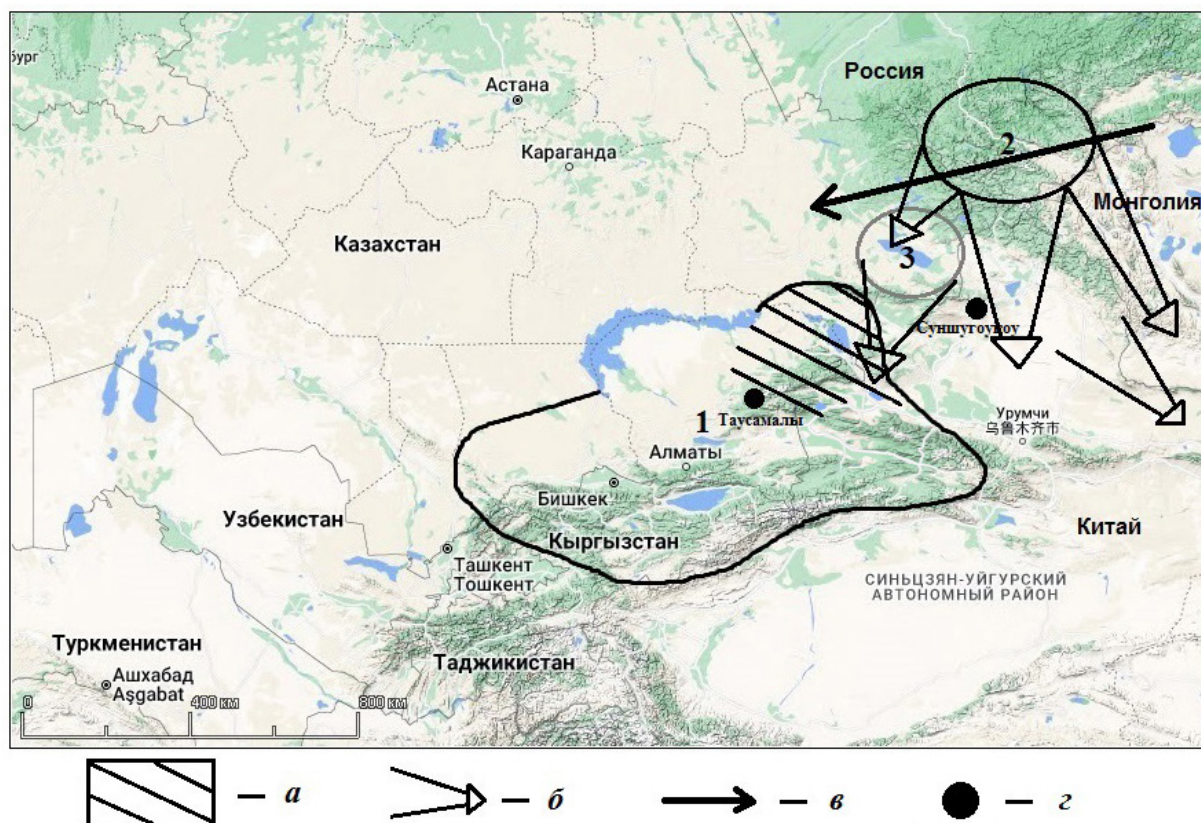

Рис. 1. Сакская культура Притяньшанья и взаимоотношения с соседними культурами на ее северо-восточной периферии. 1 – основная территория сакской культуры Притяньшанья; 2 – первоначальная территория пазырыкской культуры Горного Алтая; 3 – основной ареал распространения кула-жургинской культуры. Условные обозначения: а – зона экспансии пазырыкцев на территорию сакской культуры Притяньшанья; б – направления экспансии пазырыкцев; в – примерное направление миграции коргантассцев; г – расположение могильников

Fig. 1. The Saka culture of the Tian Shan region and the ethnocultural situation on its North-Eastern periphery. 1 – the main area of the Saka culture of the Tian Shan region; 2 – the original area of the Pazyryk culture of the Altai mountains; 3 – the main area of the Kula-Zhurgha culture. Map symbols: а – Expansion area of the Pazyryk peoples on the territory of the Saka culture of the Tian Shan region; б – directions of expansion of the Pazyryk peoples; в – directions of migrations of the Korgantass peoples; г – necropolises

происходит в середине – второй половине IV в. до н.э. [Бейсенов и др., 2015. С.22, 23. Табл.2]. Данная миграция приводит к военному разгрому носителей тасмолинской культуры и их отходу из восточных районов центральноказахстанских степей (Сары-Арки) [Бейсенов, 1996; Шульга, 2015]. При этом, миграция коргантассцев, по-видимому, могла пройти по южным предгорьям Алтая, затронув северную часть Восточного Казахстана. Но, вне сомнения, она, наряду с продвижением пазырыкцев на юг, приводит к заметным изменениям этнокультурного фона в районах к северу от территории, занимаемой сакской культурой Притяньшанья, что приводит к частичному нарушению традиционных этнокультурных связей с каменной культурой Лесостепного Алтая.

Впрочем, экспансия носителей пазырыкской культуры, подобно тому, как это произошло в северном Синьцзяне, приводит к появлению в Восточном Казахстане гибридной кула-жургинской археологической культуры. В ее погребальной обрядности синкретически переплетаются черты по-

гребальной обрядности собственно пазырыкской (сопроводительные захоронения лошадей, восточная ориентация погребенных, их скорченное и полускорченное положение и пр.) и кара-кобинской (каменные ящики, восточная ориентация, скорченное положение погребенных и пр.) культур Горного Алтая¹ и местного населения (грунтовые могилы, западная ориентация и, вытянутое положение погребенных и пр.). А в некоторых захоронениях также прослеживаются элементы, характерные для погребальной обрядности саков Притяньшанья – в частности, каменные кольца по периметру курганных насыпей и др. [Черников, 1951. С.64–80; Черников, 1959. С.103, 104; Черников, 1975. С.135, 136; Самашев, 1987. С.95–114; Боковенко, Заднепровский, 1992. С.144, 145]. Это, вероятно, показывает, что различные этнокультурные компоненты в составе кула-жургинской культуры так и не успели полностью слиться в единое монолитное целое, сохраняя при этом многие их исходные черты. Причина этого, по нашему мнению, могла крыться в относительно недолгом ее существова-

¹ Принимая во внимание данное сходство, П.И. Шульга высказал даже мнение, что «кулажургинские захоронения в каменных ящиках можно считать вариантом погребений каракобинского типа пазырыкской культуры» [Шульга, 2003. С. 117].

нии, вопреки устоявшимся представлениям о том, что она может датироваться достаточно длительным периодом – с III в. до н.э. до I в. н.э. [Черников, 1975. С. 135–136].

Вызывает интерес также то, что в различных могильниках кула-жургинской культуры сочетание указанных поликультурных элементов вариативно. Эту особенность попытался объяснить еще первооткрыватель данной культуры – С.С. Черников, который погребения в каменных ящиках, часто сопровождающиеся захоронениями коней, относил к ранней группе (III в. до н.э.), а более бедные погребения в грунтовых ямах без подхоронений лошадей к более поздней группе (II в. до н.э. – I в. н.э.), отмечая при этом, что подобная биригуальность в погребальной обрядности обусловлена только хронологическим фактором [Черников, 1975. С. 135, 136]. Впрочем, детальное знакомство с сопроводительным инвентарем из обеих групп захоронений показывает, что в целом они синхронны и существенных временных различий между ними не было. А общая хронология основных его категорий – предметов вооружения (кинжалы, костяные наконечники стрел), предметов быта (пластинчатые ножи, оселки), конского снаряжения (удила, костяные пряжки и пр.), украшений (серьги, шпильки), зеркал – находит полные аналогии в синхронных культурах IV–II вв. до н.э. Впрочем, маловероятно, что кула-жургинская культура существовала ранее конца IV в. до н.э. и позже середины – второй половины II в. до н.э., т.е. общее время ее развития едва ли охватывало более 150–200 лет.

Сложение данной культуры, несомненно, произошло в результате военной экспансии пазырыкцев в Восточном Казахстане. И, по-видимому, ее территория оставалась под их контролем на протяжении практически всего периода своего существования. Последнее могло привести к росту напряженности между носителями пазырыкской культуры и саками Притяньшанья, которые, как отмечалось выше, через Восточный Казахстан поддерживали тесные связи с населением каменной культуры Лесостепного Алтая.

Хотя прямых свидетельств данного противоборства между двумя крупными политическими объединениями кочевников в нашем распоряжении не имеется, все же косвенные сведения его подтверждают. К ним можно отнести свидетельства частичной экспансии пазырыкцев на периферии сакской культуры Притяньшанья. В частности, в Синьцзяне был изучен могильник Суншугоукоу, который обладает характерными пазырыкскими чертами [Му, 2020. С. 143; 2022. С. 226–228]. Это показывает, что пазырыкцы в ходе своей экспансии в южном направлении достигают распространения сакской культуры. Не меньший интерес в этом отношении вызывает недавнее открытие в северо-восточном Семиречье крупного могильника Таусамалы.

На этом могильнике были исследованы несколько курганов. В одном из них были выявлены два погребения в каменных ящиках, сопровождавшиеся захоронениями трех коней. Погребенные были уложены в слегка в скорченном положении, головами на северо-восток. Инвентарь представлен керамическими сосудами, шпилькой с шаровидной головкой, украшениями из золотой фольги и железными стержнями. Кроме того, во рту одной из лошадей имелись железные кольчатые удила. В еще двух курганах были также открыты погребения в каменных ящиках, но без захоронений коней. В них погребенные были уложены вытянуто на спине, головами на запад. В состав сопроводительного инвентаря, выявленного в одном из них, входило бронзовое зеркало, серьги, шпилька, бусы и костяная пластинка. Все исследованные курганы могильника Таусамалы были отнесены их исследователями к пазырыкской культуре и предварительно датированы в рамках III–II вв. до н.э. [Ярыгин, Ильдеряков, 2021. С. 24–36].

Впрочем, нельзя не отметить, что с классическими пазырыкскими памятниками Горного Алтая материалы Таусамалы имеют лишь относительное сходство и вряд ли их можно отнести к собственно их кругу. По основным параметрам погребальной обрядности курганные захоронения этого могильника обнаруживают почти полное сходство с погребениями кула-жургинской культуры Восточного Казахстана, особенно с теми из них, которые традиционно выделяются в раннюю (IV–III вв. до н.э.) группу [Черников, 1975. С. 135–136; Самашев, 1987. С. 113]. В них также прослеживается сочетание элементов погребальной обрядности нескольких культур, как и в некрополе Таусамалы, что дает основание отнести его к начальному этапу сложения и существования кула-жургинской культуры. Не противоречит этому и состав сопроводительного инвентаря из него. Поэтому наиболее вероятной датой для исследованных погребений данного могильника является конец IV – III вв. до н.э.

Но гораздо больше вызывает вопросов то, как носители данной культуры оказались на северо-восточной окраине сакской культуры Притяньшанья. Обстоятельство того, что могильник Таусамалы достаточно крупный, свидетельствует о том, что мы имеем дело не с эпизодическими захоронениями этого типа в Семиречье, а, вероятнее всего, с родовым некрополем группы населения, связанной своим происхождением с гибридной кула-жургинской культурой Восточного Казахстана. А сам некрополь, имеющий вполне внушительные размеры – порядка 90 погребальных объектов, вне сомнения, существовал достаточно длительное время. Это, наряду с появлением на восточной периферии сакской культуры Притяньшанья некрополя Суншугоукоу с типичными пазырыкскими чертами, указывает на то, что в северо-восточной части ее ареала наблюдается экспансия как самих

носителей пазырыкской культуры, так и, по-видимому, находившихся под их политическим контролем племен кула-жургинской культуры.

Вряд ли подобные процессы проходили без крупных военных столкновений между саками Притяньшанья и номадами пазырыкского политического объединения, которое к рубежу IV–III вв. до н.э. объединяло обширные пространства Горного Алтая, Западной Монголии, северного Сибиряна и Восточного Казахстана, а также, возможно, Тувы и Ордоса [Ковалев, 1999. С. 81]. Поэтому появление инокультурных погребальных памятников на северо-востоке территории сакской культуры Притяньшанья могло произойти в результате военных вторжений и миграции нового населения, стремившегося таким образом закрепить за собой эти пограничные районы.

Все эти свидетельства открывают перед нами ранее неизвестные страницы истории саков Притяньшанья, не получившие отражения в письменных источниках, и поэтому воссоздающиеся исключительно по косвенным фактам. Вероятно, отмеченное выше военно-политическое столкновение с пазырыкцами, вкупе с другими факторами, оказало заметное воздействие на постепенный политический упадок политического объединения саков Притяньшанья в III – первой половине II вв. до н.э., закончившийся его полным политическим разгромом новой волной кочевников – юэчжей – около 165 г. до н.э. [Заднепровский, 1971. С. 29–30; Заднепровский, 2007. С. 78, 79]. Что приводит к выдавливанию значительной части сакского населения в южные районы Средней Азии.

Но дело в том, что на территории распространения самой сакской культуры Притяньшанья следов внутреннего кризиса как будто не отмечается – наоборот, происходит рост населения. Это выразилось в заметном увеличении могильников на протяжении V – начала II вв. до н.э., в которых курганные цепочки насчитывают до десяти и более насыпей, показывающее, что на протяжении большей части этого периода происходит стабильное развитие кланово-племенных групп без существенных изменений в социальном и экономическом развитии. Локальные группы населения оставались на одних и тех же территориях столетиями, что отмечается также на уровне антропологии, фиксирующей консервацию физических особенностей сакских популяций в привязке к крупным

долинам Притяньшанья [Китов, Тур, Иванов, 2019. С. 110–123]. Отсутствие следов крупных военно-политических конфликтов внутри самого политического объединения саков этого региона² указывает на их протекание в IV – начале II вв. до н.э. преимущественно на его периферии.

Но если о них на юго-западных границах сакской культуры Притяньшанья мы достаточно хорошо знаем – это столкновение с войсками Александра Македонского на Сырдарье (битва на Яксарте/Танаисе) в период завоевания им Средней Азии, походы Селевкидов в пограничные районы политического объединения саков Притяньшанья (экспедиция полководца Демодама), а также возможное их участие в политических потрясениях в регионе во время становления Греко-Бактрии [Иванов, 2012; Иванов, 2013; Иванов, 2014], то о событиях, протекавших на его северной и восточной периферии, мы практически не имеем никаких сведений. Но именно длительные военные конфликты на рубежах сакского политического объединения Притяньшанья могли сыграть существенную роль в его внутреннем ослаблении,³ что позднее стало причиной его падения под ударом пришедших с востока племен юэчжей.

Под их нажимом значительная часть сакского населения была вынуждена покинуть насиженные земли и устремляется на юг Средней Азии, где принимает активное участие в так называемом «кочевом штурме» греко-бактрийского царства [Литвинский, 1972. С. 187–189; Бернар, Абдуллаев, 1997. С. 73]. Но это уже совершенно иная страница в истории саков, никак теперь не связанная с территорией Притяньшанья.

Таким образом, начиная с середины IV в. до н.э. на северо-восточной периферии культуры саков Притяньшанья под влиянием мощной военной экспансии носителей пазырыкской культуры в южном направлении – в Восточный Казахстан, северный Сибиряна и Монгольский Алтай, существенно меняется этнокультурный фон. Прежде находившиеся под контролем притяньшанских саков родственные племена буконьского культурного типа попадают в зону влияния пазырыкцев, и на их территорию происходит переселение носителей кара-кобинской и, в меньшей мере, пазырыкской культур Горного Алтая, что приводит к формированию синкретической кула-жургинской культуры.

² При исследовании 247 черепов сакского периода, основная часть которых относится к V – первой половине II вв. до н.э., только на одном из них были отмечены достоверные следы боевых травм [Китов, Тур, Иванов, 2019. С. 109. Рис. 1].

³ Дополнительной существенной причиной, приведшей к ослаблению политического объединения саков Притяньшанья на фоне длительных военных столкновений на его границах, в том числе с пазырыкцами, может выступить то, что к этому времени в сакском обществе происходит дальнейшее, более жесткое размежевание на социальные страты, границы между которыми становятся все более закрытыми. Это выразилось в дифференциации курганных погребений на рядовые и элитарные. Последние отличаются внушительными размерами и соотносятся с аристократией и выделившейся к тому времени социальной прослойкой винов-дружинников [Акишев, 1984. С. 103–107], и их сопроводительный инвентарь резко контрастирует на фоне рядовых погребений частыми находками предметов вооружения. Поэтому участие данных социальных групп в затяжных конфликтах на периферии и неизбежная гибель их представителей в течение многих десятилетий не могла не сказаться на политическом могуществе саков Притяньшанья, причем, признаков внутреннего кризиса в их объединении не наблюдается ввиду сохранения стабильности социальной и политической структуры и хозяйственной деятельности сакского общества.

Эти процессы, по-видимому, сопровождались военным столкновением пазырыкцев и саков Притяньшанья, которое приводит к некоторому сокращению ареала культуры последних на северо-востоке и появлению пазырыкских и кула-жургинских могильников непосредственно на утраченных территориях в северо-восточном Семиречье. Это, вне сомнений, сопровождалось снижением сакского влияния в северо-западной части Синьцзяна и вовлечением этих районов в зону культурного доминирования пазырыкцев.

Экспансия последних в Восточном Казахстане приводит к снижению контактов саков Притяньшанья с близкородственной каменной культурой Лесостепного Алтая, по крайней мере – с рубежа IV–III вв. до н.э. Незадолго до этого происходит последний известный всплеск контактов между ними, который хорошо прослеживается по материалам могильника Локоть-4а, имеющим заметное сходство в материальной культуре с курганом Иссык в Притяньшанье. Вероятно, воздействие на это могло оказать также передвижение из Саяно-Алтая в Центральный Казахстан группы племен

коргантасского культурного типа, проходившее, вероятнее всего, по южным предгорьям Алтая на территории Восточного Казахстана. Но, так или иначе, все эти военные и миграционные последствия, начиная с III в. до н.э., привели к резкому сокращению этнокультурных связей между населением Притяньшанья и Лесостепного Алтая.

Противостояние притяньшанских саков и пазырыкцев приводит к негативным последствиям для первых не только в плане частичного сокращения территории их расселения, снижению влияния в соседних регионах, но в значительной мере растрчивает его военные ресурсы в длительных войнах, которые протекали не только на северо-восточной периферии их владений. Не менее длительные политические конфликты в течение конца IV – начала II вв. до н.э. у притяньшанских саков возникают с эллинистическими государствами в Средней Азии. Все это в заметной мере ослабляет их политическое объединение и приводит к тому, что около 165 г. до н.э. оно было разгромлено пришедшими с востока юэцжами и навсегда сходит с исторической арены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акишев А.К.* Искусство и мифология саков. Алма-Ата: Наука, 1984. 176 с.
- Батсүх Д., Эрдэнэ-Очир Н.* Монгол Алтайн пазырыкийн дайчдын зэр зэвсэг // *Studia Archaeologica*. Tom. XXXVI. Fasc. 10. Улан-Батор, 2017. С. 139–168. (на монг. яз.)
- Бейсенов А.З.* Коргантасские погребения конца I тыс. до н.э. Центрального Казахстана и проблема изучения головных внутримогильных жертвенников // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен. Ч. I. Междунар. конф. (12–19 августа 1996 г., Улан-Удэ). Тез. докл. Улан-Удэ: Олеон, 1996. С. 89–94.
- Бейсенов А.З., Исмагулова О.А., Китов Е.П., Китова А.О.* Население Центрального Казахстана в I тысячелетии до н.э. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. 188 с.
- Бернар П., Абдуллаев К.* Номады на границе Бактрии (к вопросу об этнической и культурной идентификации) // *Российская археология*. 1997. № 1. С. 68–86.
- Боковенко Н.А., Заднепровский Ю.А.* Ранние кочевники Восточного Казахстана // *Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время* / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 140–149. (Археология СССР)
- Заднепровский Ю.А.* Об этнической принадлежности памятников кочевников Семиречья усуньского периода II в. до н.э. – V в. н.э. // *Страны и народы Востока*. Т. X. Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история / Отв. ред. В.А. Ромодин. М.: Наука, 1971. С. 27–36.
- Заднепровский Ю.А.* Путь миграции юэцжей по новым археологическим данным // *Заднепровский Ю.А. Древние номады Центральной Азии*. СПб.: ИИМК РАН, 2007. С. 74–79.
- Иванов С.С.* Военно-политические взаимоотношения саков Семиречья и Тянь-Шаня с Греко-Бактрией // *Билим жана тарбия*. 2012. № 1 (13). С. 35–38.
- Иванов С.С.* Кампания селевкидского полководца Демодама против саков Семиречья и Тянь-Шаня // *Вестник Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева*. Спец. выпуск. Ч. 2. 2013. С. 71–74.
- Иванов С.С.* Военно-политические взаимоотношения Александра Македонского и саков семиреченско-тяньшанского региона // *Кыргызский и Караханидский каганаты: неизгладимые следы*. Сб. материалов междунар. науч. конф. Бишкек: Maxprint, 2014. С. 93–96.
- Иванов С.С.* Культура саков Притяньшанья: современное состояние и важнейшие проблемы исследования // *Scripta antiqua*. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Т. 7. 2019а. С. 11–23.
- Иванов С.С.* К выделению локальных вариантов сакской культуры Притяньшанья // *SCYTHIA et SARMATIA* / Отв. ред. А.А. Малышев. М.: МАКС Пресс, 2019б. С. 71–78.
- Китов Е.П., Тур С.С., Иванов С.С.* Палеоантропология сакских культур Притяньшанья (VIII – первая половина II в. до н.э.). Алматы: Хикари, 2019. 300 с.
- Ковалёв А.А.* О связях населения Алтая и Ордоса в V–III веках до н.э. // *Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий* / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 1999. С. 75–82.
- Кушаев Г.А.* Ранние погребения Алакульской впадины // *Новое в археологии Казахстана* / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1968. С. 135–145.

- Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М.: Наука, 1972. 270 с.
- Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. М.: ИА РАН, 1997. 195 с.
- МуЦ. Памятники пазырыкской культуры в Синьцзяне // Теория и практика археологических исследований. 2020. №2(30). С.138–147. DOI: [https://doi.org/10.14258/tpai\(2020\)2\(30\).-10](https://doi.org/10.14258/tpai(2020)2(30).-10)
- МуЦ. Курганы пазырыкской культуры с керамическими сосудами, исследованные на могильнике Суншугоу // Евразия в энеолите – раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий): Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии Михаила Петровича Грязнова (1902–1984). СПб.: ИИМК РАН, 2022. С.226–228. DOI: <https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.226-228>
- Самашев З.С. Памятники кулажургинского типа // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1987. С.95–114.
- Самашев З.С. Берел. Алматы: Таймас, 2011. 236 с.
- Самашев З.С. Казахский Алтай в I тыс. до н.э. // Казахстан в сакскую эпоху / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана, 2017. С.101–156.
- Черников С.С. Отчет о работах Восточно-Казахстанской экспедиции 1948 г. // Известия АН КазССР. Серия археологическая. 1951. Вып. 3. №108. С.64–81.
- Черников С.С. Работы Восточно-Казахстанской археологической экспедиций в 1956 году // КСИИМК. 1959. Вып. 73. С.99–106.
- Черников С.С. К вопросу о хронологических периодах в эпоху ранних кочевников (по археологическим материалам Восточного Казахстана) // Первобытная археология Сибири / Отв. ред. А.М. Мандельштам. Л.: Наука, 1975. С.132–137.
- Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул: АлтГУ, 2003. 204 с.
- Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. Погребальные комплексы. Хронология и периодизация. Барнаул: АлтГТУ, 2010. 240 с.
- Шульга П.И. О захоронениях коргантасского типа // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: НИЦИА Бегазы-Тасмола, 2015. С.405–418.
- Шульга П.И., Мыглан В.С., Слюсаренко И.Ю. Хронология могильников позднего этапа пазырыкской культуры: дендрохронологическая шкала и археологический аспект // Алтай в кругу евразийских древностей / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. С.272–285.
- Шульга П.И., Шульга Д.П. Проникновение пазырыкской культуры в Синьцзян // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т.16. №4: Востоковедение. С.24–29.
- Ярыгин С.А., Ильдеряков Н.Н. Погребение «пазырыкского типа» на могильнике Таусамалы // Народы и религии Евразии. 2021. №2(27). С.23–39. DOI: [https://doi.org/10.14258/nreur\(2021\)2-02](https://doi.org/10.14258/nreur(2021)2-02)
- Törbat Ts., Giscard P.H., Batsukh D. First Excavation of Pazyryk Kurgans in Mongolian Altai // Current Archaeological Research in Mongolia / Eds. by J. Bemann, H. Parzinger, E. Pohl, D. Tseveendorzh. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms University, 2009. P.221–230.

REFERENCES

- Akishev, A.K. 1984, *Art and Mythology of the Saka peoples*. Nauka, Alma-Ata, 176 p. (In Russ.)
- Batsukh, D., Erdene-Diamond, N. 2017, “Weapons of Mongol Altai Pazyryk Warriors”, *Studia Archaeologica*, vol. XXXVI, fasc. 10, Ulaanbaatar, pp. 139–168. (In Mongolian)
- Beisenov, A.Z. 1996, “Korgantass burials dated to the end of the 1st millennium BC in Central Kazakhstan and the problem of studying intra-grave head altars”, *100 let gunnskoj arkheologii. Nomadizm: proshloe, nastoyashchee v globalnom kontekste i istoricheskoy perspektive. Gunnskiy fenomen. Ch. I. Mezhdunarodnaya konferentsiya (12–19 avgusta 1996 g., Ulan-Ude). Tezisy dokladov* (“100 Years of Hunnic Archeology. Nomadism: Past, Present in a Global Context and Historical Perspective. The Hunnic Phenomenon. Part I. International Conference (August 12–19, 1996, Ulan-Ude). Abstracts of reports”), Oleon, Ulan-Ude, pp. 89–94. (In Russ.)
- Beisenov, A.Z., Ismagilova, O.A., Kitov, E.P., Kotova, A.O. 2015, *Population of Central Kazakhstan in the 1st millennium BC*. A.H. Margulan Institute of Archaeology, Almaty, 188 p. (In Russ.)
- Bernard, P., Abdullaev, K. 1997, “Nomads on Border of Bactria (to the issue of ethnic and cultural identification)”, *Russian Archaeology*, no. 1, pp. 68–86. (In Russ.)
- Bokovenko, N.A., Zadneprovsky, Yu.A. 1992, “Early Nomads of East Kazakhstan”, *Arkheologiya SSSR. Stepnaya polosа Aziatskoj chasti SSSR v skifosarmatskoe vremya* (“Archaeology of USSR. Steppe Strip of Asian Part of USSR during Scythian-Sarmatian Time”), Nauka, Moscow, pp. 140–149. (In Russ.)
- Zadneprovsky, Y.A. 1971, “On Ethnicity of Monuments of Nomads of Semirechye during Usun Period, 2nd Century BC – 5th Century AD”, *Strany i narody Vostoka. T. X. Srednyaya i Centralnaya Aziya. Geografiya, etnografiya, istoriya* (“Countries and Peoples of East. Vol. X. Middle and Central Asia. Geography, Ethnography, History”), Nauka, Moscow, pp. 27–36. (In Russ.)
- Zadneprovsky, Y.A. 2007, “Migration Path of Yuezhi according to New Archaeological Data”, *Zadneprovskiy Yu.A. Drevnie nomady Centralnoj Azii* (“Zadneprovsky Y.A. Ancient Nomads of Central Asia”), ИИМК РАН, St. Petersburg, pp. 74–79. (In Russ.)
- Ivanov, S.S. 2012, “Military-Political Relations of the Saks from Semirechye and Tien Shan with Greco-Bactria”, *Bilim zhana tarbiya*, no. 1 (13), pp. 35–38. (In Russ.)
- Ivanov, S.S. 2013, “The campaign of Seleucid general Demodamas against Saka of Semirechye and

- Tien-Shan region”, *Bulletin of KSU I. Arabaev*, Special issue, part 2, pp. 71–74. (In Russ.)
- Ivanov, S.S. 2014, “Military-Political Relations of Alexander the Great and Saks of Semirechensk-Tianshan Region”, *Kyrgyzskij i Karahanidskij kaganaty: neizgladimye sledy. Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii* (“Kyrgyz and Karakhanid Kaganates: Indelible Traces. Proceedings of the International scientific conference”), Maxprint, Bishkek, pp. 93–96. (In Russ.)
- Ivanov, S.S. 2019a, “The Culture of Saka Tribes of Tien Shan Region: Present State and General Problems of Research”, *Scripta antiqua. Ancient History, Philology, Arts and Material Culture*, vol. 7, pp. 11–23. (In Russ.)
- Ivanov, S.S. 2019b, “The distinction of local variations of Saka culture of Tien Shan region”, *SCYTHICA et SARMATIA*, MAKS Press, Moscow, pp. 71–78. (In Russ.)
- Kitov, E.P., Tur, S.S., Ivanov, S.S. 2019, *The paleoanthropology of Saka cultures of Tien Shan region (VIII – early half of II centuries BC)*. Hikari, Almaty, 300 p. (In Russ.)
- Kovalev, A.A. 1999, “On relations between populations in the 5th - 3rd centuries BC”, *Itogi izucheniya skifskoy epokhi Altaya i sopredelnykh territoriy* (“Results of Studying Scythian Epoch of Altai and Adjacent Territories”), AltGU, Barnaul, pp. 75–82. (In Russ.)
- Kushaev, G.A. 1968, “Early Burials of Alakul Depression”, *Novoe v arkheologii Kazakhstana* (“New in Archeology of Kazakhstan”), Nauka, Alma-Ata, pp. 135–145. (In Russ.)
- Litvinsky, B.A. 1972, *Ancient Nomads of the “Roofs of the World”*. Nauka, Moscow, 270 p. (In Russ.)
- Mogilnikov, V.A. 1997, *Population of the Upper Ob region in the middle - second half of the 1st millennium BC*, IA RAN, Moscow, 195 p. (In Russ.)
- Mu, J. 2020, “The sites of Pazyryk Culture in Xinjiang”, *Theory and practice of archaeological research*, no. 2(30), pp. 138–147. (In Russ.) DOI: [https://doi.org/10.14258/tpai\(2020\)2\(30\).-10](https://doi.org/10.14258/tpai(2020)2(30).-10)
- Mu, J. 2022, “Pazyryk burial mounds with ceramic vessels from Songshugou grave field (Xinjiang, China)”, *Evrasiya v eneolite – rannem srednevekov’e (innovacii, kontakty, translyacii idej i tekhnologii): Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 120-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya issledovatelya drevnostej Yuzhnoj Sibiri i Central’noj Azii Mihaila Petrovicha Gryaznova (1902–1984)* (“Eurasia from the Aeneolithic (Chalcolithic) Era to the Early Middle Ages (Innovations, Contacts, Transmission of Ideas and Technologies): Proceedings of the International conference dedicated to the 120th anniversary of the outstanding researcher of Southern Siberian and Central Asian antiquities Mikhail Petrovich Gryaznov (1902–1984)”), IIMK RAN, St. Petersburg, pp. 226–228. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.226-228>
- Samashev, Z.S. 1987, “Monuments of the Kulzhurginsky type”, *Arkheologicheskie pamyatniki v zone zatopeniya Shulbinskoy GES* (“Archaeological monuments in the zone of flooding of the Shulbinskaya HPP”), Nauka, Alma-Ata, pp. 95–114. (In Russ.)
- Samashev, Z.S. 2011, *Berel*. Tajmas, Almaty, 236 p. (In Russ.)
- Samashev, Z.S. 2017, “Kazakh Altai in the I millennium BC”, *Kazakhstan v saksuyu epohu* (“Kazakhstan in the Saka epoch”), A.X. Margulan Institute of Archaeology, Almaty, pp. 101–156. (In Russ.)
- Chernikov, S.S. 1951, “Report on the works of the East Kazakhstan expedition in 1948”, *Izvestiya AN KazSSR. Seriya arkheologicheskaya* (“Izvestiya AN KazSSR. Archaeological Series”), iss. 3, no. 108, pp. 64–81. (In Russ.)
- Chernikov, S.S. 1959, “Works of the East Kazakhstan archaeological expedition in 1956”, *KSI-IMK*, vol. 73, pp. 99–106. (In Russ.)
- Chernikov, S.S. 1975, “To the question of chronological periods during the era of early nomads (according to the archaeological materials from Eastern Kazakhstan)”, *Pervobytnaya arkheologiya Sibiri* (“Primitive Archaeology of Siberia”), Nauka, Leningrad, pp. 132–137. (In Russ.)
- Shulga, P.I. 2003, *Necropolis of the Scythian time Lokot’-4a*. AltGU, Barnaul, 204 p. (In Russ.)
- Shulga, P.I. 2010, *Xinjiang in the VIII–III centuries BC (Burial grounds. Chronology and periodization)*. AltGTU, Barnaul, 238 p. (In Russ.)
- Shulga, P.I. 2015, “About the graves of Korgantass type”, *Sakskaya kultura Saryarki v kontekste izucheniya etnosociokulturnykh protsessov Stepnoy Evrazii* (“The Saka culture of Saryarka in the Context of Studying Ethnosociocultural Processes of Steppe Eurasia”), NICIA Begazy-Tasmola, Almaty, pp. 405–418. (In Russ.)
- Shulga, P.I., Myglan, V.S., Slyusarenko, I. Yu. 2016, “Chronology of Burial Grounds during the Late Pazyryk Culture: Dendrochronological Scale and Archaeological Aspect”, *Altay v krugu evraziyskikh drevnostey* (“Altai among Eurasian Antiquities”), IAET SO RAN, Novosibirsk, pp. 272–285. (In Russ.)
- Shulga, P.I., Shulga, D.P. 2017, “Pazyryk entry into Xinjiang”, *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, vol. 16, no. 4: Oriental Studies, pp. 24–29. (In Russ.)
- Yarygin, S.A., Ilderyakov, N. N. 2021, “Burial of the “Pazyryk type” at the Tausamaly burial ground”, *Nations and religions of Eurasia*, no. 2(27), pp. 23–39. (In Russ.) DOI: [https://doi.org/10.14258/nreur\(2021\)2-02](https://doi.org/10.14258/nreur(2021)2-02)
- Törbat, Ts., Giscard, P.H., Batsükh, D. 2009, “First Excavation of Pazyryk Kurgans in Mongolian Altai”, *Current Archaeological Research in Mongolia*, Rheinische Friedrich-Wilhelms University, Bonn, pp. 221–230.

Сведения об авторе

Сергей Сергеевич Иванов, кандидат исторических наук, доцент, Киргизский национальный университет им. Ж.Баласагына, Кыргызстан, г. Бишкек. E-mail: sak@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-4081-3749

Information About the Author

Sergey S. Ivanov, Ph.D., Associate Professor, Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Kyrgyzstan, Bishkek. E-mail: sak@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-4081-3749